

ДОМ

Исповедь Идиота 3

Избранное

18+

ДОМ

Исповедь Идиота 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30590512

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-97931-4

Аннотация

Если вы ищите книгу для души, где можно посмеяться, задуматься и погрустить, то «Исповедь Идиота 3» написана именно для Вас. «Мой друг Женька»: это рассказ – исповедь о дружбе и верности, об ответственности перед теми кого мы к себе когда-то, пусть даже невзначай, привязали. Рассказ «Операция „Персики“» – это задорные воспоминания парня из Крыма о его вынужденных российских похождениях в 70-х годах XX века, где он уже в новом XXI веке постоянно задаётся вопросом: «Что же за это время в России изменилось?» В этом рассказе вас ждут не только яркие, незабываемые диалоги и любовные сцены, но и красочно изложенные, многочисленные проблемы россиян.

Содержание

Вылечили	5
Мой друг Женька	6
Операция «Персики»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

ДОМ

Исповедь Идиота 3

Сколько себя помню, никто из моих прямых родственников, которых я знал лично, не верил в Бога. Правда, они поговаривали, что был родственник-священнослужитель по линии отца, но он умер в 20-х годах XX века, так что встречаться с ним я никак не мог. Поэтому никогда ни одного своего родственника молящимся мне видеть не приходилось.

Не хожу в церковь и сам, знаю не поможет, а молюсь ли – это знак вопроса. Но исповедоваться необходимо, что и делаю.

Я знаю Бог есть, как есть и Дьявол. Бог находится где-то рядом и оберегает, а Дьявол периодически забегает в гости, причём даже без приглашения и предупреждения.

Пишу, пока я в трезвом уме и добром здравии. Пока меня не настигли ни маразм, ни мания Величия.

Да пусть мне поможет Бог, и не мешает Дьявол.

С таких слов начинается моя автобиографичная гепталогия «Исповедь Идиота», которую я пытаюсь завершить. А стоит ли, ведь жизнь продолжается, подбрасывая всё новые и новые сюжеты? Думаю – да, но с оговоркой: «Продолжение следует».

Вылечили

Крым, коронавирус.

Стоит в магазине в очереди мужик и постоянно кашляет да чихает. Ему бабушка сделала замечание, а он ещё сильнее начал кашлять и чихать. Вся очередь стала возмущаться, а он всё равно кашляет и чихает. Вызвали полицию, а мужик нагло продолжает кашлять и чихать. Те его взяли да оштрафовали на четыре тысячи рублей, и предупредили: « Если ещё раз кашлянёшь или чихнёшь, оштрафуем на двадцать ».

Так он теперь и ни кашляет, и ни чихает – вылечили.

17.05.2020 год

Мой друг Женька

Если ты бегаешь днём, а ночью засыпаешь без вина и таблеток,

если ты, получив дурную весть, можешь сидеть спокойно,

если хладнокровно переносишь все удары судьбы,

если ешь всё, что лежит на твой тарелке,

и если ты при всём этом счастлив:

скорее всего ты – собака.

Долго думая над названием этого рассказа, более точного определения наших взаимоотношений, как «мой друг Женька», я не нашёл. Искренность, преданность и полная взаимная гармония сопровождали нашу дружбу долгие годы, но начиналось всё абсолютно – наоборот.

Отец, работая бригадиром строителей, пришёл с работы с подарком. Подарок, находящийся в мешке, ворочался и рычал. Моему восторгу и любопытству не было предела. Но показать содержимое в тот вечер отец почему-то никому не решился, отделавшись сбивчивым рассказом слегка подвыпившего человека.

Суть его повествования была следующей: ещё с осени, заложив фундамент под постройку новой кроликофермы, бригада рабочих весной занялась продолжением строительства, но возникла одна проблема. Их упёрто не подпускала к гру-

де, сваленного с прошлого года стройматериала, злющая собака.

Прорвав первую оборону, рабочие обнаружили логово, которое с не меньшим достоинством защищали щенки. Особенно один из них, оказав предельное сопротивление, долго не давался им в руки. Он то и достался отцу, как бригадиру.

Только на следующий день наше любопытство было удовлетворенно, и все увидели подарок. Им оказался злющий, но симпатичный щенок. Довольно крупные черты, мощная грудь и лапы наводили на мысль, что в нём заложены благородные гены.

Хотя ему было не более одного месяца, он вёл себя независимо и гордо. Все наши попытки не только погладить, но и приблизиться к нему, терпели полную неудачу. И к выше перечисленным качествам добавлялась ещё агрессия, с которой он уже не защищаясь, а атакуя, пытался нас укусить.

Короче говоря, на контакт щенок идти не хотел, за что и был временно помещён в сарай, где раньше находился поросянок. Это строение было удобно тем, что в нём находилась специальная кормушка, через которую мы его кормили.

Прошло два месяца, и несмотря на моё повышенное к нему внимание и массу использованных приёмов и кличек, щенок на контакт так и не шёл. Другие члены нашей семьи, потеряв к нему интерес, опустили руки. Но я не сдавался.

Как-то одним днём, придя со школы, я не обнаружил пса

на месте и, мысленно проигрывая версии о его бегстве или даже краже, сильно расстроился. Но появившийся отец рассказал мне, что щенка он отдал в хорошие руки, а хорошие руки оказались у моего дядьки по линии матери.

Дело было так: пока дома никого не было, мой отец и дядька Петька, то ли обмывая какое-то дело, то ли просто так непринужденно болтая о всяких мелочах, выпивали. Не любитель прихвастнуть, отец начал показывать ему свои владения. Чтобы окончательно удивить гостя, зная, что тот имеет слабость к охоте, он показал сидящего в свинарнике щенка, убеждая дядьку, что тот голубых кровей. Щенок действительно смахивал на немецкую овчарку, и дядька Петька загорелся. Рассказывая о невероятных достоинствах пса, отец естественно не упомянул о его особенностях, включая дикий нрав, и утвердил блуждающую в дядькиной голове мысль, что именно такая собака нужна охотнику для полного счастья.

Торг долгим не был. Хотя мой отец и говорил, что прирос к псу душой, но не долго думая, уступил его дядьке как родственнику всего за две бутылки водки, и собака тут же была пропита.

Так щенок, как неожиданно появился в моей жизни с помощью отца, также неожиданно с его помощью и исчез, не оставив следа ни в моей ещё не забитой событиями памяти, ни шрама на моём, тогда ещё не закалённом жизнью, ранимом сердце. Но как ни странно, это был не конец, а только

начало нашей долгой, незабвенной дружбы, о которой написан этот рассказ.

Прошло более чем полгода. И вот однажды, возвращаясь с учебы, я чуть ли не столкнулся с сидящим возле крыльца нашего дома псом. От неожиданности моё сердце сжалось. Перед мной сидел с гордой независимой осанкой, взрослый, незнакомый пёс. И лишь его слегка виляющий хвост успокаивал моё сознание, которое мысленно перебирало мотивы, приведшие это животное к нашему дому.

Как тут наши глаза встретились. Сжатое сердце вдруг защемило. Боже мой! Передо мной сидел тот бывший щенок, который, никому не даваясь в руки, больше двух месяцев держал всех в напряжении. Теперь всё его существо, как и взгляд, пронизанный жалостью, умоляя, просили: «Не прогоняй!» То ли от испуга, то ли чтобы хоть как-то разрядить напряженную ситуацию, я даже не перебирая в памяти имена, неожиданно ему сказал: «Женька». Как вдруг пёс подошёл ко мне и лизнул руку. Так началась наша дружба, а в нашей семье к именам Вера, Миша, Инна и Олег добавилось ещё одно – Женька.

Пёс полностью оправдывал своё человеческое имя. Его открывающиеся способности да сообразительность удивляли не только меня, но и окружающих с каждым днём всё больше и больше. Одним словом, вся наша семья привыкла к этому симпатичному, разумному животному и существо-

вания без него уже не представляла. Как тут неожиданно-негаданно появился дядька Петька. Узнав о скрывающемся у нас беглеце, он требовал его вернуть.

Я очень переживал за сложившуюся ситуацию, так как от этого зависела не только дальнейшая судьба пса, но и моя. Ведь я к нему уже прикипел душой, а он, в свою очередь, стал не только моим другом, но и моей тенью.

Пока шли долгие переговоры взрослых я и Женька прятались за сараем. Мы оба осознавали, что возможно эти мгновения последние, и нас могут скоро разлучить. Обняв Женьку, я шёпотом говорил ему ласковые слова и гладил его загривок, этим пытаюсь успокоить не столько своего друга, сколько себя. Пёс всё понимал и, тяжело вздыхая, тоскливым взглядом смотрел на меня. Тихо скуля, он лизал мои щёки и руки. Мы прощались.

Могу только поклониться и отдать должное отцу. Осознавая щепетильность ситуации, он использовал все свои возможности и, не брезгуя аргументами, приложил в споре с дядькой полную мощь своего дипломатического красноречия. Ведь на кону стоял не столько финансовый, сколько принципиальный вопрос.

Прислушиваясь к голосам сторон, по их интонации я пытался определить, в чью пользу идёт разрешение возникшего конфликта. Женька, жалостно смотрел мне в глаза, и полностью полагался на мою интуицию.

К вечеру, услышав мягкий тон подвыпивших голосов, ко-

которые нас звали, мы вышли из укрытия. Первым вышел я. Женька появился лишь после того, как я его позвал. Весь его вид показывал сожаление, что он всем доставил столько проблем.

Понурился и слегка виляя хвостом, пёс как бы перед всеми извинялся, что из-за него разгорелся такой сыр-бор. Женька, виновато опустив уши, сначала нерешительно подошёл к дядьке и просяще глянул ему в глаза. Затем устало сделав круг, пёс улёгся у моих ног и, тяжело вздохнув, положил голову на лапы.

Выбор был сделан, и мой дядька сдался. Пока конфликтующие стороны допивали спиртное и договаривались об условиях сделки, мы с Женькой ликовали.

Ведь дядьку Петьку тоже можно было понять. Делая из щенка охотничью собаку, он вложил в него много сил и уже предвкушал наслаждение от удачной охоты. А удачу должен был принести именно Рекс, так дядька назвал подрастающего пса. Но, как говорят охотники, произошла осечка.

Гордо выйдя первый раз с ним на охоту, он отстегнув поводок, пустил Рекса по следу, и Рекс пошёл, но больше не вернулся. Очевидно по-спартански воспитывая щенка, дядька перегнул палку. Он забыл, что его оторванный от своей матери подопечный, нуждается в любви и ласке.

Видно терпя обиды от дядьки, пёс вспоминал, с какой любовью к нему относились прежде, и у него возник план побега, который он, найдя возможность, сразу реализовал. Но

как пёс, принесённый в мешке отцом и унесённый таким же способом дядькой Петькой из дому, нашёл нас и какие приключения при этом перенёс – это до сих пор остаётся тайной.

Вскоре отец смастерил для Женьки будку, ведь у нас в доме появился сторож, а он должен иметь свой угол. Будка была выполнена по всем законам архитектуры. Сделанная из широкой доски, утеплённая и крытая рубероидом, с деревянным, поднятым от сырости над землёй полом, она выглядела настоящим домом. Затем по всему двору была натянута и закреплена проволока. Вот на неё и был посажен мой Женька.

Мне было его жалко, и я не упускал возможности снять нашего охранника с цепи, для того чтобы с ним прогуляться. Эти случаи происходили настолько часто, что его жизнь превратилась в сплошную прогулку. Да и сидящий на привязи пёс делал такую жалкую морду обиженного, всеми забытого, брошенного существа, что сердце ни у кого не выдерживало, и руки сами тянулись к ошейнику, чтобы его отпустить.

Родители, видя, что пёс никуда не убегает и бдя службу, не нарушает устоявшуюся в хозяйстве гармонию, постепенно привыкли к мирно лежащему, но по первому зову бегущему на помощь, Женьке.

Таким образом, мы добились для него свободы, а цепь и ошейник остались валяться на земле, как пережиток прошлого.

Однажды отец, вновь увидел сидящего с несчастным ви-

дом Женьку на привязи. Того, кто мог пса на её посадить он не нашёл и, возмущаясь, отпустил его. Такая странная ситуация повторялась несколько раз.

Но в один день всё прояснилось. Когда в очередной раз он снимал Женьку с цепи, то обратил внимание на подозрительно свободно болтающийся на нём ошейник. Тут неожиданно-негаданно появилась возмущённая соседка тётя Надя и с криком: «Да я с вашей собакой чуть сегодня в штаны не наложила!» – поведала ему такую историю.

После вчерашних дружеских посиделок в нашем доме тёть Надя почувствовала себя членом нашей семьи и, не предчувствуя никакой опасности, без предупреждения зашла в наш двор. В это время Женька, потеряв бдительность, дремал на своём любимом месте, в розах, у ворот. И только звонкий голос соседки, крикнувшей: «Хозяин!» – полностью вывел его с этого состояния.

Реакция нашего сторожа на её опрометчивый поступок была незамедлительной. Так как тётя Надя успела зайти довольно глубоко во двор, пёс в два прыжка оказался у неё сзади. Неожиданное появление злоущего пса, грозящегося порвать её на куски, соседку не только парализовало, но даже отключило у неё дар речи, которым она очень гордилась. Прижимая тётю Надю к забору, пёс, ругая её своим собачьим матом, постепенно вытолкнул нарушительницу границы за пределы двора.

В ходе дальнейшего расследования оказалось: то ли чув-

ствуя вину за свою утраченную бдительность, то ли за жёсткий собачий мат, которым он обложил соседку, пёс, сам продев голову в ошейник, сел на цепь и тем самым себя наказал.

Наш сторож ещё не раз прибегал к такой хитрости, чем только вызывал у нас улыбку умиления.

Шло время. Женька, основательно завоевав наши сердца с неподдельной деловитостью и пунктуальностью, выполнял свои обязанности сторожа, а в наше отсутствие, даже хозяина. Деловито обходя свои владения, он с удовольствием общался с жителями нашего хозяйства и все, независимо от рода, звания, вероисповедания да взглядов на окружающий мир, его уважали.

Кота Барсика, который заигрывая с ним, постоянно лез к нему целоваться, а иногда, наглея, забирался на него поспать, пёс мягко с себя скидывал, как бы говоря: «Тут столько дел, так что извини, не до тебя». Когда же кот окончательно наглел или совершал по мнению пса недопустимый поступок, он его загонял на столб, и по два-три часа не давал с него слазить, тем самым подчёркивая, кто в доме хозяин.

Уток Женька приглашал в сарай на ночлег, мягко подталкивая каждую своим носом в зад, как бы пересчитывая и говоря: «Что же вы такие нерасторопные да бестолковые». Курятник тоже не был обделён вниманием: там он зачастую разгонял петушиные бои.

Но основной головной болью у него были кролики, кото-

рых отец разводил в большом количестве и которые постоянно пытались, делая подкопы, вырваться на волю. Найдя подкоп, Женька тут же приводил меня или отца к месту происшествия. Он, высунув язык и деловито крутясь вокруг, помогал нам восстанавливать порядок, всем своим поведением подчеркивая, что не зря ест хлеб насущный. Одним словом, как психолог, где кнутом, а где пряником, Женька поддерживал дисциплину, которая создавала иллюзию полной гармонии в нашем хозяйстве.

На самом же деле Женькино нутро рвалось на просторы полей, лесов и виноградников. Внимательно следя за каждым моим шагом, Женька мог безошибочно определить, куда я собрался идти. Если мои затянувшиеся сборы и атрибуты подготовки подтверждали, что я собираюсь на охоту, Женькиной радости не было предела. Так как это моё увлечение представляло тогда большую тайну, пёс с трудом старался сдерживаться и всем своим видом изображал, что ничего особенного не происходит. Он озабоченно начинал делать обход своих владений – это было для него поводом, как бы между прочим понаблюдать за мной.

После тайных сборов я, оставив слегка приоткрытой калитку, так же тайно исчезал. А это уже являлось для пса сигналом к действию. Женька для отвода глаз, нетерпеливо поглядывая по сторонам и соблюдая конспирацию, тенью проskalзывал в оставленную мной щель в калитке.

Через несколько минут мы были вдвоём. Мне можно бы-

ло и не ждать собаку в условленном месте, так как Женька мог найти меня везде. Но я его с нетерпением ждал, чем подчёркивал своё уважение к другу, и он это ценил, платя мне тем же.

Найдя меня на нашей поляне, Женька, делая широкие круги, начинал носиться, как угорелый. Он, как смерч, летал вокруг, буреломом ломая кусты, и со стороны можно было подумать, что у пса «сорвало крышу». Но это было не просто выражение его накопившихся эмоций или погоня за бабочками да птичками, это было большее. Пёс, знавший о данном моём увлечении не понаслышке, разминался. Иногда проносясь в нескольких сантиметрах от меня, он демонстрировал свои возможности. Его разминка продолжалось пока я, достав оружие, заканчивал свою подготовку к охоте.

Увидев, что я завершил сборы, Женька подбегал и, глядя мне в глаза, выпрашивал оценку его готовности. Если я, тебя загривок пса, говорил: «Молодец!» Он преображался. Поведение моего друга становилось деловито-сдержанным, ведь он шёл со мной на охоту, а это дело серьёзное.

Дальше каждый из нас выполнял свои обязанности. Пёс, бегая кругами и глубоко сопя, искал след. Я в это время, полностью полагаясь на него, мог, любуясь окружающим миром, наслаждаться жизнью.

Мы не жаждали крови. Охота для нас была атрибутом единения. Она, укреплённая тайной, вырабатывала адреналин и усиливала нашу ответственность друг перед другом.

Зачастую, не сделав ни одного выстрела, без добычи, уставшие и голодные, мы шли домой довольные проведённым вместе временем. Природа нас манила своей гармонией и искренностью, в которой существовали свои законы, где нет суеты и подлости, где происходит единение душ, а не единение сословий. Ведь мы не играли с природой, а жили ею.

Так было и в тот холодный ноябрьский день. Много пройдя, но так и не сделав за охоту ни одного выстрела, я решил прочесать колхозный виноградник и заодно поживиться, пропущенными в уборку, одиноко висящими кисточками, сладкого, превращающегося в изюм, винограда. Женька молча со мной согласился.

Сильный, холодный ветер, срывая капюшон, дул мне прямо в лицо, но я не сдавался. У пса дела тоже были не лучше. Мощный поток воздуха, не задерживая запахи у Женькиного грязного от старания носа, с большой скоростью уносил их безвозвратно вдаль. Пёс нервничал.

Найдя брошенную, слегка примороженную кисть винограда, я с удовольствием её поглощал, забыв об охоте. Холодный, сладкий виноград, сводя зубы, замораживал мои мозги, в которых, как в заевшей пластинке, повторялась одна и та же мысль: «Надо идти домой».

Вдруг Женька, преградив своим телом мне дорогу, тихо зарычал, своим поведением показывая, что рядом кто-то есть, но кто и где я не видел. Не создавая шума, я снял с пле-

ча оружие. Знаящий о нём не понаслышке, Женька, как по команде, ушёл за мою спину. Всматриваясь и бессмысленно водя стволом по сторонам, так никого и не увидев, я сдался.

Пёс все это время, тихо поскуливая от нетерпения, рвал и метал. Рыча и гребя лапами землю, видимо внутри себя ругая меня за бестолковость, он рвался в бой. Подняв ствол вверх, я дал ему сигнал к действию. Женька пулей рванул из-за моей спины. Я был ошарашен, опередив пса на доли секунды, прямо из-под моих ног выскочил большой длинноухий русак. Оказывается всё это время на меня в упор смотрел заяц.

Так как мы с Женькой шли на сильный ветер, звуки и запахи, исходящие от нас, не успев достичь косога, уносились от него прочь. И он, прозевав наше неожиданное появление, залёг.

Началась борьба гонщиков. Женька, понимая, что в беге по ровному виноградному ряду зайцу нет равных, а лично его надолго не хватит, настигая, постоянно пытался сбить косога с ряда. После нескольких таких попыток заяц поддался на его провокацию. Пытаясь с ходу перескочить через натянутую проволоку виноградного ряда, он зацепился за неё задней лапой. Неуклюжее сальто косога закончилось яростными объятиями пса, и дело было сделано.

Скорость происходящей на моих глазах драмы, ввела меня в шок, но занавес представления уже закрылся. Мне только оставалось подойти и убедившись, что заяц мёртв, подве-

свить его на пояс да похвалить пса. Ведь мы на охоте, а на ней всё по-настоящему.

Вскоре холодный осенний ветер, остудив вскипевший в моей голове негативный адреналин, сменил его на эйфорию победы, которую своим поведением поддерживал Женька. Умышленно не пряча добычу, мы гордо вошли в село.

Каждому встречному, задававшему вопрос: «Как охота?», я подробно рассказывал о талантах и возможностях своего пса. Как только Женька слышал в рассказе своё имя, то сразу же активно подключался к разговору, всеми своими эмоциями подтверждая, что именно так всё и было.

По мере расширения разнообразия моих увлечений расширял свой кругозор и Женька. Он активно пытался во всём мне помогать, но зачастую лишь путался под ногами и мешал. Однако боясь обидеть друга, от его помощи я никак не мог отказаться.

В то время заядлым грибником я не был. Но так как в тех местах после дождей в изобилии росли шампиньоны и однобочки, то при неудачной охоте они попадали в мой трофей. Женька быстро научившись по запаху определять, какие грибы нужно собирать, рьяно бросался мне помогать.

Найдя гриб, он мог долгое время назойливо лаять, чтобы я пришёл и срезал его. После того как он вынуждал меня это сделать, пёс с чувством выполненного долга, высунув язык, мчался на поиски другого.

Женьку, как настоящего вошедшего в азарт грибника, не интересовали ни расстояние, ни количество найденных грибов, и мне приходилось зачастую из-за одного мелкого гриба плестись на собачий лай по несколько сот метров.

На рыбалке мне без Женькиной помощи ну никак нельзя было обойтись. На каждую подсечённую мною рыбу, видимо боясь, что та уйдёт, пёс набрасывался с таким остервенением и лаем, что грозил порвать не только поводок, но и основную леску снасти. Я уже не рассказываю о рыбе, распуганной от его шума.

Как-то на очередной рыбалке, будучи отчитанным за абсолютно не рыбацкое поведение, Женька лежал рядом со мной на берегу пруда и, обиженно положив голову на лапы, как бы безучастно наблюдал за происходящим. На каждую выловленную мною рыбу, ему приходилось реагировать только резким поднятием головы и не более. Пёс скучал. Рыбалка шла полным ходом, ловились карасики с ладошку, а мне тогда большего было и не надо.

Из-за не имения садка, пойманную рыбу я нанизывал через жабры на проволоку и опускал в воду. Насаживая на это приспособление очередного карасика, я вдруг обнаружил, что у моей до этого выловленной рыбы кто-то откусил хвосты. Осталось выявить и обезвредить тварь, покушавшуюся на мой улов.

Ею оказалась довольно крупная, старая, болотная черепаха, которую я несколько раз предупреждая, отпугивал пал-

кой. Но воровка, почувствовав себя хозяйкой положения (ведь это же её пруд), настолько увлеклась, что мне только оставалось резким движением руки выкинуть её на берег. И у скучающего на берегу Женьки тотчас появился объект исследования.

Основательно изучив, осторожно нюхая и трогая лапой это болотное существо, он быстро потерял к нему интерес. Но когда объект исследования, вдруг высунув голову и лапы начал довольно быстро передвигаться в сторону пруда, Женькиному восторгу не было предела. И он с вдохновением занялся вопросом извлечения этого настырного существа из его укрытия, каким являлся панцирь.

Задача оказалась сложнее, чем пёс предполагал. Так как неизвестное псу существо оказалась ему не по зубам, Женька разрабатывал различные комбинации и тактику, чтобы застичь черепаху врасплох. Он, то залегал на разных расстояниях для неожиданного нападения на неё, то скатывал её в ямку, чтобы стать невидимым. Но опыт и реакция самозащиты черепахи брали верх, и она упёрто подползла между его нападениями к водоему. Тогда Женька катил её лапой подальше в поле, и всё начиналось сначала.

Нервы пса были на пределе. Ведь такого ещё не было, чтобы его так долго кто-то водил за нос, причём при свидетелях, каким являлся я. Этого пёс пережить никак не мог. К концу рыбалки черепаха была похожа на обшарпанный придорожный булыжник, так как её панцирь был обглодан зубами и

исцарапан когтями пса. Но Женька не сдавался.

Даже после сборов пёс долго не хотел отдавать её в мои руки, и мне пришлось взять черепаху в качестве выловленного трофея с мыслью, что Женька наиграется, и я завтра тайком отпущу это «чудо» обратно в пруд. Но дальнейшие события развернулись по-иному.

Придя домой, я в первую очередь положил черепаху в тазик с водой, а затем занялся рыбой. Вскоре, закончив свои дела, я решил проверить, как себя чувствует временная узница. Но ни черепахи, ни Женьки на месте не было, тазик был перевернут. Через некоторое время пёс появился. На мой вопрос: «Где черепаха?» – он только виновато вилял хвостом, но тайны так и не выдал.

Более тщательное расследование причины её загадочного исчезновения, не дало положительных результатов. Даже версия, что Женька, чтобы окончательно похоронить непобеждённого соперника и свой позор, зарыл черепаху в огороде, не увенчалась успехом. Могилы героини я там не обнаружил, и сдался, прекратив поиски.

Но меня ждал сюрприз.

Через неделю я увидел недовольного отца, который держал в руках обглоданную псом черепаху и ей говорил: «И надо же куда тебя занесло. А мы то с матерью думаем, что это у нас куры не несутся?» – подозрительно посматривая на меня с Женькой.

Мы сделали вид, что в первый раз видим это таинственное

создание. И на этом то дело затихло.

Видимо Женькина пленница, скрывшись от него и не найдя более прохладного и безопасного места как курятник, устроилась в нём жить. Чем она там питалась, до сих пор неизвестно.

На следующий день я и Женька торжественно отпустили путешественницу в её родной водоём, а история с черепахой осталась нашей общей тайной.

Время уходило безвозвратно. Много поменялось в моей жизни. Смерть матери внесла существенные коррективы в мою судьбу, естественно зацепив и Женьку. Я переехал жить к тётке на год, и мы невольно расстались. Пёс тосковал, выражая тяжесть разлуки воем. Долгий, протяжный рассказ, который он затевал ночью, мешал не только членам нашей семьи, но и соседям, все гнали его прочь. На долгое время уходя из дома, он дичал.

Тяжело пережив наше расставание, Женька вновь встретил меня с неопишуемым восторгом, но год разлуки давал о себе знать. Хотя мы так же искренне общались и довольно часто выходили на охоту, он всё равно рвался на свободу. Покидая территорию двора, пёс демонстративно перепрыгивал через самую высокую, двухметровую часть ограждения, каким являлись ворота, тем самым показывая мне свою не утраченную физическую форму.

Поступив учиться в ПТУ, находящееся в поселке Приморский, я покидал своего друга на неделю. Приезжая на выходные, я всё чаще и чаще находил пса под деревянным сараем, где он себе обустроил логово. Его тело зачастую было изрешечено дробью, или порвано стаями собак.

Ни разу я своего Женьку не видел в стае. Он был горд и независим, за что платил своим одиночеством. Ведь нередко бывает, что эти качества и у людей тоже вызывают раздражение, а иногда даже ненависть.

Найдя ждущего меня Женьку окровавленным и измождённым, я, покормив его и оказав первую помощь, опять уезжал. И так повторялось всё снова и снова.

Служба в армии прервала нашу тесную связь более чем на два года, но не дружбу. Меня встретил изрядно потрёпанный, измученный долгим ожиданием пёс. Катающаяся под шкурой лба дробь и рваные уши рассказывали о его непростой, полной событиями и драматизма, жизни. Но это был, тот самый настоящий, самый верный мой друг Женька, который так же сопровождал меня везде, являясь моей тенью.

Как-то одним вечером мы с одной дамой решили уединиться. Было уже всё: и крепкие поцелуи и нежные объятия, дело стало за главным, однако подругу смущало одно большое «НО». У неё сложилось ощущение, что за нами кто-то постоянно следит. Я сразу понял, что это Женька.

Он действительно соблюдая строжайшую конспирацию, сопровождал нас везде, и я об этом знал. Повышенная женская осторожность да чутьё раскрыли его операцию, и мне пришлось вызывать «шпиона» из укрытия для знакомства со своей подругой. Даме пёс очень понравился, но теперь рухнул мой план, так как остаток вечера мы провели уже втроём.

Работа и мои появления дома от случая к случаю сделали своё дело. Женька уходил в загулы на месяц и более. Теперь его домом была улица с её законами и нравами.

Сейчас трудно говорить кем и чем мой друг заполнял оставленную мною пустоту в его душе и сердце, но как то, приехав домой только через два месяца, я не застал Женьку дома. На мой вопрос: «Где Женька?» – постоянно подвыпивший отец сбивчиво ответил: «Как только ты уехал, так я его больше и не видел, уже наверное месяца два будет». Сердце моё ёкнуло и я подумал: «Это всё». Что-то мне подсказывало, указывая дорогу к Женьке, и я его вскоре нашёл.

Распростёртое, исхудавшее тело моего друга лежало возле колхозных скирд сена. Оно было изрешечено выстрелами в упор. Рядом лежало тело незнакомого мне пса. Их головы были направлены к дому. Кем был ему этот пёс: просто знакомым, с которым он коротал время, ожидая меня, или настоящим другом, а может последней его любовью? Нам теперь этого не узнать.

Сняв головной убор, я почтил память о нём минутой молчания, так как ничего большего для моего верного друга

Женьки уже сделать не мог.

Написано к дню моего рождения, в память о моём друге
Женьке.

29.04.2014г.ДОМ

Операция «Персики»

Я думаю, что каждый южанин пробовал этот довольно крупный, с играющей всеми цветами радуги ворсистой оболочкой, фрукт, под названием Персик. Стоит его слегка надкусить, как он неожиданно обдаёт вас своим вязким, неповторимым на вкус соком. Казалось бы какие раздоры, интриги, да прочие страсти могут возникнуть из-за этого, воспетого художниками да поэтами за его красоту и вкус, невинного плода?

Но тут не всё так просто, как может показаться на первый взгляд. Ведь не зря же многие что-то утверждая, говорят: « Был бы повод, а причина всегда найдётся », – этим зачастую умышленно путая, что является основанием, а что следствием для возникновения различных ситуаций?

Так как в тех «счастливых» 70-х для многих северян необъятного Советского Союза персики были диковинкой, то и в этой истории сразу может показаться, что ответ лежит на поверхности. Но не спешите с выводами.

Что же всё-таки толкнуло меня к написанию этого повествования, и что является его основанием, вы сможете понять только лишь тогда, когда прочтёте его полностью.

В один из пасмурных августовских дней было объявлено срочное построение нашей роты на плацу части. После того

как она выстроилась, перед ней появился командир хозяйственной части майор Гусев с сопровождающими его лицами.

Его напыщенный вид и суровый взгляд говорили, что произошло что-то необычайное. Дав команду: «Рота смирно! – и убедившись, что глядя на него, все прониклись серьезностью ситуации, он громко произнёс: – Орлы!» После такого возгласа даже самые безучастные вздрогнули, а равнодушные сосредоточились, ожидая продолжения его речи. Остальных начало процедуры насторожило.

Он, удостоверившись, что вступительная часть его обращения произвела на всех присутствующих неизгладимое впечатление, делая паузы и нагнетая обстановку, продолжил: «На нас возложена великая миссия: обеспечить разгрузку грузового лайнера, прибывшего сегодня с дружественной нам страны Болгарии!»

«Слава Богу! А то я уж подумал, что война!» – пошутил кто-то удачно из задней шеренги. Все засмеялись. Выждав несколько секунд, майор Гусев, сделав замечание: «Прекратить шуточки в строю! – и, дождавшись тишины, громко сказал: Болгарские женщины загрузили этого стратегического фрукта под названием Сливы объемом пятьдесят тонн за шесть часов, я же вам даю на разгрузку четыре часа».

Кто-то из его окружения вкрадчиво, шёпотом попытался поправить: «Персики, персики, товарищ майор». «Какая хрен разница! Я сказал сливы, значит сливы, – жёстко обо-

рвал его Гусев, продолжая: – Хочу добавить, что один час простоя этого лайнера обходятся нашей стране одна тысяча двести рублей. Вольно! Для выполнения поставленной мною задачи даю команду: разойтись!»

Так как я в то время занимал должность заместителя старшины роты, мне по этому поводу надо было срочно встретиться с моим прямым командиром, прапорщиком Сафроновым. Но он тут же сам меня нашёл и вот почему: корыстная заинтересованность моих непосредственных начальников в этом грузе.

Честно говоря, я даже не сомневался, что они не упустят такую возможность поживиться на халяву такими дивными для севера фруктами, как персики. Ведь тогда вся наша Великая страна под названием СССР, была пронизана лозунгом: «Ты здесь рабочий, а не гость, тащи с завода каждый гвоздь!» Мои командиры в этом вопросе исключением не были. Только могу заметить, что до низости мародёрства они при мне никогда не опускались, и за это я их уважал.

В кабинете командира роты под грифом «совершенно секретно» мне было дано задание: срочно раздобыть пять ящиков болгарского стратегического груза. Промедление было просто невыносимо, дорога была каждая минута. Мне предоставлялись широчайшие полномочия в выборе личного состава группы и планов реализации этого поручения. Главное выполнение, главное – персики.

Я сразу вызвал в кабинет подчинённых мне Фокина и Вя-

лова. После короткого совещания мы решили взять ещё двух матросов. «А не многовато ли ты людей для пяти ящиков берёшь?» – спросил у меня настороженно старшина роты прапорщик Сафронов. «А вдруг будет возможность ещё больше персиков раздобыть», – ответил находчиво я. «Молодец, соображаешь!» – восхитился довольный старшина.

Хотя теперь на старого, тёртого прапора Сафронова, как и командира роты капитана Волкова, ложилась главная официальная задача: выполнение своевременной разгрузки, и каждый человек был на счету, но они знали, что делают. Уж очень у них был велик соблазн на халяву приобрести экзотические фрукты под названием Персики.

Я не зря подобрал группу из вышеупомянутых ребят, так как у меня сразу возник план решения поставленной перед мной задачи.

На моего друга сержанта Сергея Фокина, как на бывшего командира взвода водителей, ложилась задача достать машину.

На старшего матроса Алексея Вялова было возложено подобрать двух надёжных, проверенных делом бойцов.

Ну, а на меня возлагалось всё остальное – значит возникающие проблемы будем решать по ходу дела.

Ровно через полчаса новенькая машина командира части УАЗ, в которой восседал сержант Фокин, была подана, и операция «Персики» началась.

Дальше события развивались со скоростью смерча. Так

как никто даже не мог заподозрить, что в командирской машине едет «группа захвата», то нас не только беспрепятственно везде пропускали, но и уважительно отдавали честь. Через пятнадцать минут мы были на месте.

Первое впечатление от нами увиденного – это был восторг, который затем сменился некоторой растерянностью. На аэродроме, среди стоящих грязно-зелёных стратегических военных самолётов, очень сильно выделяясь, стоял турбовинтовой АН 22 «Антей». Его размеры и бело-голубая окраска придавали этому чуду нашего авиастроения особую величественность, а нам гордость за нашу Великую страну. Это в свою очередь придавало нашей операции особую значимость и масштабность.

Удручало нас не то, что около самолёта находилась приличная масса народа и техники, а то, что в оцеплении вокруг открытого грузового отсека стояла вооружённая специализированная рота охраны. Это подразделение, состоящее в основном из узбеков и таджиков, славилось своей несговорчивостью. Говоря: «Твоя-моя не понимает», – они открывали огонь.

Не раз подвыпившие офицеры, не договорившись с ними, пытались нагло проскочить на машинах через аэродром за грибами, но тут же были обстреляны на поражение. Попадал под их пули и я. Тут было над чем задуматься. Положение казалось безвыходным.

Я вышел из машины для изучения ситуации. Сотни глаз

наблюдали за разгрузкой персиков с хвостовой части самолёта, где находился грузовой отсек. Только передняя часть лайнера была бесконтрольной, и выход нашёлся. Люк-тоннель эвакуации пилотов оказался открытым. Прикинув примерную высоту нашего УАЗика, я понял, что только мне придётся рисковать, так как был самым высоким из нашей команды.

Когда я вернулся в машину, то рассказал ребятам о возможном варианте извлечения персиков из самолета. Решение было принято моментально.

Мы, распределив обязанности, произвели необходимую подготовку: подготовили мешки, канаты и т. п. Затем, подогнав УАЗик под самый люк, я взобрался на него и проник через тоннель эвакуации в кабину пилотов.

Её оформление и количество установленной в ней аппаратуры на несколько секунд парализовали все мои действия, такого я ещё не видел. Десятки приборов смотрели на меня, как бы ожидая указаний, а кресла манили сядь – порули. Только лишь посмотрев через лобовое смотровое стекло на аэродром, где стояли военные самолёты, и как бы сравнивая этот мирок с тем, что за стеклом, я вспомнил, где нахожусь. И выйдя с оцепенения, тут же принялся к делу.

Когда я спустился с кабины пилотов вглубь самолёта, то сразу увидел грузовой отсек, который с моей позиции напоминал тоннель, в конце которого в просвете копошились люди. Это были работающие на разгрузке ребята с моей роты. Но они мне были не нужны, мне нужна была конспирация

и персики.

Ящиков с персиками я сразу не нашёл и только пройдя чуть глубже, увидел мой заветный болгарский груз. В сияющие белизной свежеструганной доски небольшие ящики, как братья – близнецы, в один ряд и розовым бочком вверх, на упаковочной бумаге были уложены мои долгожданные персики. Они меня как бы просили: возьми нас и надкуси.

Вспоминая наши большие, обшарпанные, тёмные от времени, битые-перебитые колхозные ящики и сваленные в них как попало фрукты, я наслаждаясь гармонией и красотой укладки этих, несколько секунд не мог прикоснуться к заветному грузу. Но секунды бежали, превращаясь в минуты, и я, схватив первый ящик, понёсся к тоннелю эвакуации.

Внизу, нервно выглядывая из машины, меня ждали ребята.

Увидев мою показавшуюся с люка голову, Сергей Фокин, улыбаясь во весь рот, спросил:

– Где ты пропал? – и добавил: Мы уже подумали, что тебя схватили.

– Давай принимай! – огрызнулся я без лишних церемоний и любезностей.

Мне было не до шуток.

Фокин, принимая первый ящик, на ходу приспособливался к более рациональному решению вопроса. Но персики просыпались и, как говорится, первый блин пошёл комом. Один ящик со списка можно было вычеркнуть, так как би-

тые персики начальству не нужны.

Со вторым ящиком у него получилось получше. Ну, а с третьим дело наладилось, и процесс пошёл.

Опуская седьмой, я им сказал:

– Ну всё, хватит, – как бы что-то предчувствуя.

Но Сергей умоляюще просил:

– Ну ещё один, последний, ребят угостим.

– Ну, ладно, – не смог отказать я другу.

Только я собрался спускать вниз восьмой ящик с персиками, как вдруг почувствовал, что мне на плечо легла чья-то тяжёлая рука. Моё сердце ёкнуло, отдавая тело адреналином.

– А это что такое? – спросил у меня сзади серьёзный мужской голос.

Мне сразу стало понятно, что голос и рука принадлежат одному, уверенному в своих силах, человеку.

И не ошибся.

Когда оглянулся, то перед собой увидел довольно крепкого, в форме гражданской авиации смуглого мужика. На ходу выдумывая мотивы и оправдания своим действиям, я решил всё-таки говорить правду или почти правду – надо же было как-то выкручиваться.

Не разобравшись в потёмках в знаках отличия гражданской авиации, я ему громко сказал:

– Товарищ командир! – и, поняв, что это на него произвело впечатление, задавая своему объяснению дружелюбный

тон, продолжил:

– Понимаете, эти персики я беру не для себя, а для своего командира.

Видя, что тот начинает проникаться моими проблемами, я давя на мужскую солидарность, тут же сбивчиво добавил:

– У него сегодня День рождения, а к нему девушка приезжает, и ему хочется чем-то её удивить.

Сочиняя на ходу и понимая, что тот готов меня отпустить, я уже предвкушал чувство свободы.

Как вдруг появляется второй мужик в такой же форме, и сурово спрашивает:

Что здесь происходит?

Ну, думаю, я и попал!

Первый начинает сбивчиво объяснять второму ситуацию, а я в это время стою, как придурок, с поличным, с ящиком персиков в руках и жду, чем их диалог закончится. Затем произошло самое неожиданное, чего только можно было ожидать.

Пилот, который появился вторым, первому говорит:

– Пусть берут сколько им надо, но все пустые ящики надо вернуть обратно для отчётности. Чем мы быстрее разгрузимся, тем быстрее взлетим.

Смуглый пилот, которому были даны указания, у меня спрашивает:

– Сколько ящиков взяли?

Я ему нагло вру:

– Три.

– Отдавайте те пустые ящики обратно, затем бери ещё пять с возвращением, и быстро отправляйся вниз, – приказал он мне нервно.

Сделав всё так, как мне сказали, я спускаясь через люк-туннель к ждавшим меня ребятам, радостно крикнул:

– Спасибо большое, товарищ командир!

– Ладно, удачи. И смотри никому не рассказывай, где ты их взял, мне и так из-за вас сейчас влетит, – сказал на прощание добрый, смуглый пилот.

– Хорошо! – выкрикнул я, не зная, услышал он это или нет, так как мы уже мчались обратно в часть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.